

Эдуард Бояков:

"Лучшие спектакли случаются в Петербурге"

Бояков Эдуард
21.12.02

День театра в этом сезоне запомнится Питеру надолго - впервые в нашем городе состоится фестиваль "Золотая маска". Для организаторов мероприятие такого масштаба - дело серьезное. Однако бессменный директор и один из создателей "Золотой маски" Эдуард Бояков успевает заниматься еще и множеством других значительных и весьма небанальных культурных проектов.

Он сотрудничает с Валерием Гергиевым, продюсировал "Китеж" и "Царя Демьяна" в Мариинском театре, создает Пасхальный фестиваль, занимается обменными гастролями Мариинки и Большого, затевает новые постановки в этих театрах, привлекая к сотрудничеству лучших композиторов, готовит сюрпризы в драме, продвигает новый проект Евгения Гришковца, организует фестиваль "Новая драма". Бояков обещает провести выездные гастроли "Золотой маски" не только в крупных городах русской провинции (что с недавних пор происходит ежегодно), но и в Лондоне. Он не понаслышке знает, что такое современный менеджмент в сфере культуры. И когда Бояков говорит, что с искусством все у нас будет в порядке, отчего-то хочется верить...

- Чем будет отличаться "Маска" в Питере от московского фестиваля?

- Смена города - это более чем достаточное отличие. Такое перемещение для "Маски" очень полезно. Те вещи, которые мы в Москве делаем уже автоматически, по наработанной схеме, сейчас будут подвергнуты некоторой ревизии. Надо вернуться к истокам, понять, почему мы делаем так, а не иначе. Москва и Питер - города очень разные. Здесь другая конъюнктура, нужны другие рекламные ходы...

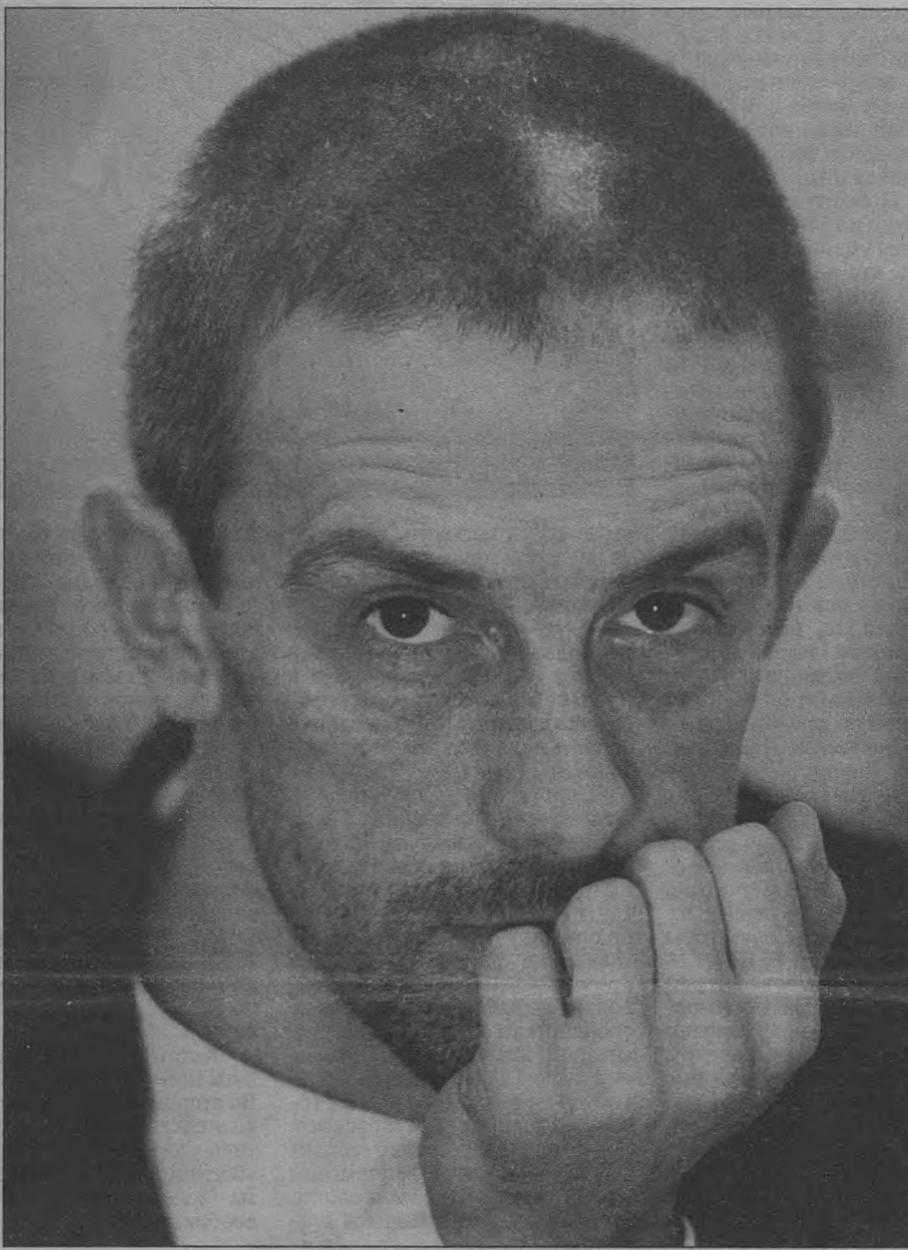
- В чем разница?

- Если говорить о рекламе, о публике - то это совершенно очевидно. Все маркетингологи уже заметили, что в Москве и в Питере публика "клюет" на разное. Театральное сознание детерминировано географическими, архитектурными, историческими особенностями городов. Такой спектакль, допустим, как "P.S." Козлова никогда не мог бы появиться в Москве, в другом здании, кроме Александринского театра, - это, кстати, самый красивый театр, который я вообще когда-либо видел в своей жизни. Московские режиссеры энергичнее, суебливее, а питерские меньше заботятся о темпоритме и больше о каком-то медитативном погружении. В этом отношении чрезвычайно характерны спектакли Григория Дитятковского...

- А как московская публика реагирует на эти "погружения" медленного театра?

- Мы же сейчас говорим о формальных признаках, а есть какие-то содержательные вещи. Медленный спектакль может быть гениальным, а может быть - вторичным. Острый, быстрый, шустрый спектакль может быть безумно интересным, а может быть пустым. Публика реагирует соответствующим образом. И здесь мы уже переходим к тому, что на самом деле зрителей не разделяет, а объединяет. Есть некая "прослойка" в наших двух городах, есть потрясающие зрители, глубокие, отзывчивые, которые принимают разное искусство, лишь бы оно было сильным по энергетике, искренним, серьезным, актуальным.

Хотя, с другой стороны, существует какая-то загадка в вашем городе. Иначе как можно объяснить тот факт, что последние тридцать лет главные театральные идеи и главные театральные лидеры возникали в Питере? Гергиев как главный российский музыкант, Эйфман как главный российский хореограф и Додин как главный российский режиссер. Очень похожие процессы происходили в неакадемической музыке - в широком формате неакадемической, начиная от всяких авангардных электронных экспериментов и заканчивая ленинградским роком. И до сих пор так: главная русская группа на сегодня - это "Сплин".

- ???

- Это совершенно очевидно - не просто главная, а вообще единственная, которая хоть что-то умное пытается делать на этом мертвецком рок-н-рольном поле. По-прежнему лучшие спектакли, лучшие концерты случаются в Петербурге.

- Чем вы это объясняете?

- Театр и реальность существуют в тех же взаимоотношениях, в которых существуют Петербург и Москва. Реальность - это Москва, а театр - это, конечно, Петербург. Начиная с того, что нет ни одного более или менее стоящего философа или поэта, который бы не сравнивал этот город с театральной декорацией, а питерские белые ночи - с фантазмагорией. И заканчивая некими экономическими реалиями: Ленин перенес столицу в Москву, и утрата городом столичного статуса повлекла за собой ряд как положительных, так и отрицательных моментов. Понятно, что Москва в экономическом отношении весь XX век развивалась значительно динамичнее, чем Питер. И то, что произошло после перестройки, это уже некое крещендо, апофеоз... Город оказался лишен экономического напора. На уровне обыденного сознания это обычно выражается фразой: "Все деньги в Москве". Это и привело к тому, что человеческая энергия в Питере начала искать другие каналы для деятельности - не материальные, не экономические.

- Это хорошо или плохо?

- Я сейчас не пытаюсь проявлять поллиткорректность, утверждая, что один вариант не лучше и не хуже другого. Я действительно считаю, что зарабатывать деньги интересно. И действительно считаю, что НЕ зарабатывать деньги - очень интересно. В моей биографии был такой эпизод между преподаванием в университете и работой в "Золотой маске": так

получилось, что я несколько лет занимался бизнесом, получил экономическое образование, изучал маркетинг, сделал серьезную карьеру, работал в крупных финансовых структурах, совершал крупные международные сделки. И это было потрясающе интересно! Это был такой драйв, так увлекательно! И этим я вовсе не хочу сказать, что сейчас в "Золотой маске" занимаюсь какой-то чепухой, - это тоже в высшей степени интересно.

- Познаете в сравнении?

- Любой контакт с человеком, с городом, с культурой предполагает сравнения. Любя Питер, я думаю о Москве. И наоборот. Эти два города вообще очень много друг без друга потеряли бы. Сейчас только-только намечаются проблески позитивных процессов, которые можно характеризовать как осознание городом своего особого статуса культурной столицы.

- Вы полагаете, что это не просто наш местный любимый рекламный слоган? Есть что-то в городе помимо привычного туристского набора - "Эрмитаж, Гергиев, Русский музей"?

- Во-первых, Эрмитаж, Гергиев и Русский музей - это уже очень много. Во-вторых, 300-летие может помочь городу. А может не помочь...

- А если праздник завершится и надо будет "убирать фонарики и подметать конфетти"?

- Вы считаете, может появиться ощущение, что торжества закончились и ты окончательно оказался в провинции? Я все-таки надеюсь, что у этого города есть позитивный сценарий, хотя очень трудно его реализовать. Я все равно верю в то, что город имеет культурный аппетит. Петербург ощущает культуру как собственное содержание, а не как марксистский "придаток". Этот город должен показать

России, а возможно, и всему миру, что культура может быть базисом, а экономика - надстройкой. Как бы парадоксально это ни звучало.

Да, в Питере есть своеобразный привкус Венеции - очарование разрушения. Это закономерно: если в городе не четыре, предположим, дворца, а четыреста, то на содержание их просто не хватает денег и они непременно ветшают, покрываются патинной и паутиной, обнажаются штукатурка... И особо порочные, извращенные и утонченные декаденты искренне кайфуют от этого. Я помню, как приехал сюда с Хамдамовым - он не был в городе лет шесть с тех пор, как снимал здесь "Анну Карамазов" с Жанной Моро. Помню, как он радовался, видя какие-то следы новых обрушений старых домов или как какой-то куст растет на втором этаже... Это было несколько лет назад, когда в городе было совсем худо. А сейчас у Питера все-таки есть надежда. То есть, с одной стороны, "Венеция", сладкий запах тлена, а с другой стороны, понимание того, что экономическая неактуальность, этот перекокс в сторону культуры может оказаться неким шиком, парадоксально срабатывающим экономическим фактором. На уровне глобальных парадигм есть мнение, что если середина XX века была эпохой научно-технической революции, а конец века - эпохой информационной революции, то начало XXI века, как некоторые считают, дает импульс к осознанию культуры как серьезного экономического фактора. Ближайший пример - Голливуд. Сфера развлечений, культурного туризма в развитых странах становится чрезвычайно востребованной, и через нее начинают проходить дикие деньги. Формируется вторичная отрасль, некая виртуальная экономика. Понимаете?

- Но если культура становится по-настоящему массовой, не утрачивает ли она первоначальные признаки культуры?

- Первоначальные - нет. Я ненавижу разговоры о массовости как о чем-то плохом. Я считаю, что это бесконечно хорошо. Массовая культура - это просто сильная культура, и если у высокой, аристократической культуры есть еще "порох в пороховницах", значит, все хорошо - тогда массовая будет идти ей навстречу, рождать в своем лоне какие-то художественные вершины, а "аристократы" будут заниматься культуртрегерством, поднимая уровень массовой культуры. Это диалектический процесс. Конечно, можно сетовать на то, что массовая культура "огрубляет, подавляет" высокое, но почему бы нам не подумать о том, что массовая культура приобщает к актуальным ценностям широкие слои общества?! Здесь ведь еще и чисто цивилизаторская задача. Вот гигиена, например, - это ведь тоже часть культуры. И хорошо, когда она массовая.

- Не стану спорить.

- В пренебрежении массовой культурой есть распространенная ошибка, свойственная питерскому сознанию. Вот вы, допустим, гордитесь своей духовностью, но у вас мало денег. Можно же попытаться как-то эти деньги заработать, оставшись вполне духовным, а можно забухать, перестать заниматься какой бы то ни было художественной практикой и привести свое интеллектуальное и духовное состояние в полное соответствие с тем социальным низом, в котором пребываешь изначально.

- Быть может, питерское пренебрежение массовой культурой происходит оттого, что местные образцы ее столь откровенно плохи... Но иногда кажется, что для восприятия культуры элитарной у нас вовсе нет публики.

- Это не так. Такой публики в Питере более чем достаточно.

- Просто она об этом не знает?

- Возможно. Нельзя обслуживать вкусы публики, нельзя им тупо потакать. Нужно всегда пытаться балансировать на грани...

Лилия ШИТЕНБУРГ